

Каменный Пояс

ДЕМИДОВЫ
НАСЛЕДНИКИ
ХОЗЯИН
КАМЕННЫХ ГОР

Евгений Федоров

КАМЕННЫЙ ПОЯС

ДЕМИДОВЫ
НАСЛЕДНИКИ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ф 33

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Федоров Е.

Ф 33 Каменный Пояс. Демидовы. Наследники : романы / Евгений Федоров. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 880 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29787-6

Талантливый тульский оружейник Никита Демидов получил в награду от самого Петра I уральские земли и заводы — так началась история богатейшей промышленной династии Демидовых, находчивых и предприимчивых, жестоких и требовательных, властных и самоотверженных хозяев Каменного Пояса. История этой семьи неразрывно соединилась с историей России. Произведения Евгения Федорова, посвященные Демидовым, любимы читателями за историческую достоверность и точность в деталях, выразительную речь персонажей, захватывающий сюжет. В настоящем издании публикуются два первых романа трилогии «Каменный Пояс»: «Демидовы» и «Наследники».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-29787-6

© Е. А. Федоров (наследники), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Время было беспокойное: готовились к войне с Туретчиной, бунтовали раскольники, уходили помещичьи тяглецы от невыносимого крепостного гнета, бежали люди от страшной рекрутчины, от воеводских притеснений и от поборов крапивного семени — приказных ярыжек. Беглые сбивались в шатучие ватажки; на путях-дорогах от них было тревожно и опасно.

Толмач Посольского приказа Шафиров торопился по неотложному государеву делу в Тулу. Зима стояла морозная, выжистая. Под крытым возком тягуче поскрипывали полозья, сильно укачивало — сон слипал очи. Шафиров подремывал.

Сбоку возка, над голубыми снегами, катился месяц. Мимо бежали запорошенные снегом боры, ельники да придорожные кусты.

Под самой Тулой, когда приветливо замигали долгожданные огоньки, бородатый ямщик накрутил на руки вожжи, взвизгнул, загоготал и бесшабашно погнал коней под угорье. Возок с разбегу нырнул в ухаб, подпрыгнул, Шафирова подбросило; он вздрогнул и открыл глаза.

Впереди чернели оголенные кусты; на дороге стоял великан, растопырил ручищи и поджидал возок.

«Разбойник! — ожгла догадка Шафирова. — То-то разбойный посвист, то-то гогот!»

Храбрый и ловкий царский сподручный ездил всегда без охраны. Схватил он спросонья знатный дорожный пистолет — и по разбойнику.

А пистолет-то и не стрельнул, испортился.

«Эко, дьяволице, чем же теперь обороняться?» — струхнул Шафиров, и на лбу его выступил холодный пот.

— Э-ге-ге! Гей! — не примечая шафировского страха, заорал ямщик, кони взметнули и стрелой пронесли мимо дуплистого дерева, тянувшего над дорогой толстые узловатые сучья.

— Ух ты! — с шумом выдохнул Шафиров. — А я-то думал...

Толмач отвалился к спинке саней и облегченно закричал ямщику:

— Шибчей гони!

Огоньки Тулы замелькали чаще и приветливей, запахло дымком. На заставе сторожевые люди окрикнули:

— Стой, кто едет?

— Пади! — заорал ямщик и промчал мимо будочников; под тройкой закружилась снежная пыль.

На ночлеге Шафиров закручинился: добрый дорожный пистолет попортился, не работал. Пистолет тот был работы немецкого мастера Кухенрейтера: бил безотказно и метко.

В горнице, в которой расположился на ночлег вельможа, стояли жарынь и тишина; за печкой, шурша, ползали усатые тараканы, на столе в шандалах потрескивали сальные свечи. Подле них склонился тульский воевода в кургузом мундирчике и в буклях, посыпанных мукой, и рассматривал пистолет.

— Дивной работы, — удивлялся он, — а только извольте не кручиниться, враз горе изживем. В Кузнецкой слободке есть у нас кузнец Никита Антуфьев, так кузнец тот не токмо пистоль может исправить, а самого черта подкует!

Шафиров питал страсть к хорошим ружьям и пистолетам и, как слышал про тульского кузнеца, обрадовался:

— Гони, воевода, холопьев до кузнечишки да накажи: ежели пистолет мой счинит — сто рублей жалую. Ежели испортит — будет бит плетями.

Перед Шафировым стоял полуштоф, на глиняном блюде — моченые рыжики. Сам Шафиров крепок, скуласт, низенький, но проворный, с влажными улыбающимися глазами, готовыми понять все на лету. В свое время он попался на глаза царю, и за башковитость и расторопность Петр Алексеевич быстро возвеличил его. Если что надумал Шафиров — вынь да положь! Скор он был на дела и на руку. В ожидании тульского мастера гость принялся за ужин.

Тем временем за полночь разбудили кузнеца Никиту Антуфьева передать ему наказ царского посланца. Кузнец еле очухался от сна, поднялся всклокоченный, злой:

— Пошто разбудили?

Ему в руки — пистолет работы мастера Кухенрейтера:

— Можешь починить?

Кузнец глянул на пистолет, разом соскочил сон; оружейник, положив на ладонь пистолет, залюбовался:

— Важнецкая работа, да-к... Непременно сделаю! Отчего же?

А сам глаз от пистолета оторвать не может: тонкая, диковинная работа приковала взор сметливого тульского кузнеца.

2

Спустя три дня в воеводскую избу явился кузнец Никита Антуфьев и настоял, чтобы его допустили к самому царскому посланцу. У Шафирова в ту пору шли важные государственные дела. По воеводским привольным горницам толкался народ. Потребовал к себе Шафиров знатных тульских служилых людей, купцов, подрядчиков, военных — ко всякому он имел неотложные поручения — и распекал нерадивых. Требовал срочного литья, от купцов — пеньки, добротного тесу. Затевал царский сподручный большие дела.

Со страхом доложили Шафирову:

— Пистолет кузнечишка припер, да со своих рук не спускает, самому передать намерение имеет.

Шафиров — дела в сторону:

— Веди!

Народ засуетился. Кузнеца Никиту Антуфьева ввели в горницу. Шафиров поднялся с кресла, невтерпеж: «Что стало с пистолетом столь знатной работы?»

Народ в стороны раздался. Стоит кузнец Никита Антуфьев один посреди горницы — высокий, голова под потолок, статный, плечистый, бородача — черной волной. На ладони — пистолет.

Шафиров подошел к рослому кузнецу, хлопнул его простецки по плечу:

— Сделал?

— Спытайте! — кузнец протянул Шафирову пистолет.

Вельможа с жадным огоньком в глазах дорвался до пистолета. Военные, бородатые купчишки да приказные кругом сгрудились. И самим как-то лестно стало.

— Ай да тульский кузнец, такой пистолет наладил!

Шафиров повертел, покрутил в руках пистолет, крякнул от удовольствия:

— Гоже!

Тут он неожиданно хмуро сдвинул черные брови и строго посмотрел на кузнеца:

— И мой, и не мой пистолет. На моем метка, а на этом — нет!

Кузнец улыбнулся, на закопченном лице блеснули крепкие зубы:

— Верно, боярин, пистолет этот не твой, а моей собственной работы!

Шафиров поднял на кузнеца изумленные глаза:

— Не может того быть!

Кузнец с хитринкой усмехнулся в цыганистую бороду.

— У твоего пистолета, боярин, попортилась затравка, постарался исправить. А чтобы не скучно было, не угодно ли тебе, боярин, взять два пистолета вместо одного.

Вынул кузнец из-под полы другой пистолет столь же отличной работы и совершенно под стать первому. Шафиров глянул на пистолет, глаза загорелись:

— Близнецы!

Стали испытывать и сверять пистолеты: стреляли, вертели в руках, приглядывались до боли в глазах и никакой разницы между пистолетами не нашли.

— Ой как гоже!

— Ай да кузнец!

— Вот те ружейник! Не токмо солдатские фузеи¹ готовить может, но, статья, и пистолеты на немецкий лад.

— Сколь превосходные вещи! — развеселился вдруг Шафиров.

— А ты, сударь, получше взглядишь в другой пистолет! — Кузнец поднял черные как уголья глаза на Шафирова, взял пистолеты из рук вельможи и показал секретную меточку. По ней-то Шафиров и признал, что один из пистолетов действительно подлинной работы Кухенрейтера, а другой сделан самим тульским кузнецом.

— Молодчага! — хлопнул кузнеца по плечу Шафиров. — Эй, чару!

Кузнец степенно поклонился, глаза посуровели.

¹ Фузея — мушкет, ружье.

— Благодарствую на том, не в обиду вам: хмельного в рот не беру.

— Гоже! — засиял вельможа, подошел к столу и выложил, как один, сто серебряных рублей. — Жалую за сметку.

Кузнец чинно, неторопливо собрал со стола деньги и уложил в карман.

Шел ружейник домой и ног не чуял под собой. Шутка ли — сто рублей! Вон куда метнуло!

В эти минуты вспомнилось кузнецу былое, как он с батей пришел по горести из родной деревеньки Павшино в Тулу, в Кузнецкую слободу, и стали они искать свое счастье. Батя, Демид Григорьевич Антуфьев, отличался отменным здоровьем, был крепок, в небольшом возрасте, всего под сорок годков, и с ранней юности занимался кузнечным мастерством. С давних-предавних времен Тула и весь обширный край славились рудами, окрестные крестьяне добывали их и плавилы железо. Уже в XVI веке домашний способ производства железа из глыбовой руды¹ был широко распространен в этой местности. Ручные горны можно было встретить во многих домах крестьян и в Дедиловском районе, и под самой Тулой, в деревне Павшино, в которой проживали Антуфьевы. Выплавляли крестьяне железо в примитивных печах-домницах и сбывали его тульским вольным кузнецам, которые выделывали из него пицали, самопалы, копыя, сабли, плужники, ножи да топоры. Кустарным оружейным промыслом занимались из поколения в поколение и Антуфьевы. Когда подрос сын Никита и обучился у дядьки грамоте, он стал подбивать батю перебраться в Тулу, в Кузнецкую слободу. Славились она старинными мастерами-самопальщиками, которые по тем временам достигли немалого искусства в изготовлении холодного и огнестрельного оружия. Умело и тонко они украшали его богатой резьбой, разнообразной чеканкой, именуемой тульской чернью. Влекло Антуфьева и то, что кузнецы этой слободы, внесенные в казенные списки, — «казюки», освобождались от податей и земских повинностей. Произошло это лет сто тому назад, когда по челобитью тульских кузнецов царь Федор Иванович велел «их, кузнецов, устроить в Туле за острогом особою слободою, а никаким людям,

¹ Глыбовая руда — бурый железняк.

опричь их, кузнецов, не жить, и к посаду ни в какие подати и в никакие земские службы от них, кузнецов, выбирать не велено».

Однако, несмотря на царский указ, наряду с «казюками» в слободе оставалось немало кузнецов и среди посадского люда. Постепенно и их привлекали к самопальной работе: некоторые из них были «взяты по ремеслу из посаду в самопальные мастера». Так постепенно, из года в год, из десятилетия в десятилетие, складывалось тульское оружейное сословие, куда и стремились попасть Антуфьевы.

В ту пору, когда устроились Антуфьевы в Кузнецкой слободе, тульские самопальщики были подчинены Московской оружейной палате. Каждогодно по государеву наказу они доставляли в Москву две тысячи пищалей по цене двадцать два алтына и две деньги¹ за пищаль.

Вся работа самопальщиками выполнялась по домам, и каждый знал только свое дело: одни делали ложа, другие занимались заваркой стволов, третьи мастерили замки и другие оружейные части. Самая трудная и главная работа была заварка ствола. Антуфьевы знали это дело хорошо. Нагретую длинную железную пластину батя ударами молота сгибал в трубку, а шов мастерски сваривал — вот и готово дуло! Никита приваривал к нему казенную часть ствола, а дальше шла отделка: канал сверлили ручными сверлами, поверхность отделывали напильниками и на точиле. К той поре на других дворах кузнецы ковали штык и части замковые, слесари-отдельщики отработывали их до блеска. А мастера-ложники по своим дворам делали ложа и производили сборку оружия. Никита был столь любознателен, что в скором времени сам научился все делать. Был он лих и горяч в работе. Суровые денечки выпали ему в Кузнецкой слободе, но могучий характер да золотые руки выручили кузнеца Антуфьева. Работа у тульских самопальщиков напряженная, все жилушки выматывала. То с молотом, то у горна, где жар да брызги раскаленных искр. От такой работы к вечеру пошатывало, как хмельного. Батя Демид Григорьевич не выдержал каторжной работы, вскоре занедужил и помер. Остался один Никита в Туле, он не сдался, крепко вгрызся в работу. Отличался он от других своих товарищей искусством да яростью в деле. Свирепо хотел выбиться в люди.

¹ 67 копеек.

Хотя царские власти и не делали никакого различия между казенными и вольными кузнецами, однако сметил Никита Антуфьев, что кузнец от кузнеца рознился. Среди них выделялись «пожиточные люди». Сами они оружейной работой не занимались, а поставляли оружие в казну, скупая его у своей братии, оскудевших кузнецов. Эти «скудные оружейники» и занимались выделкой оружия, а пожиточные завели многие лавки и торговые промыслы.

Хорошо оглядевшись и скопив небольшие деньги, Никита понемногу сам стал скупать оружейные части, а то сдавать работенку и наживаться потихоньку на труде других. Скупая у скудных самопальщиков стволы, замки, ложа, он быстро и как-то незаметно, без шума пошел в гору и вскоре обрел силу в Кузнецкой слободе. Прошло еще несколько лет, и его избрали слободским старостой.

Обретя влияние и силу в Кузнецкой слободе, Никита Антуфьев все же не отошел от мастерства, которому был предан всей душой. К этому времени он женился на статной и красивой слобожанке, принесшей ему приданое. Пошли дети, а среди них крепкий и сметливый Акинфка-сын, перенявший от отца оружейное искусство...

Было Никите сорок годков, когда он попал на глаза царскому посланцу Шафирову. Хотя он стал заметно лысеть, но силы был могучей, нравом веселый и цепкий в работе. В этот памятный день возвращался он весьма довольный встречей: в карманах побрякивали рубли.

«Вот они, сто целковиков! С них куда больше дело разгорится! Дороги деньги, да еще дороже честь!» — с гордостью думал кузнец...

Спустя несколько дней Шафиров возвращался по старой дороге из Тулы в Москву. Трещали январские морозы, блестели парчой снега, крутили-голосили метели. Запахнувшись в волчью шубу, Шафиров прощупывал упрятаные под ней два пистолета. От поскрипывания полозьев, от санного укачивания обуревал сон, но сквозь дрему Шафиров думал:

«Гляди-кось, наш тульский кузнец не хуже немчуры Кухенрейтера ладит пистолы! Поди, лучше, проворней. Ось-ка я мин герру Петру Алексеевичу о нем доложу».

Царь Петр Алексеевич в своем стремлении к морю на деле увидел, сколь бедна Россия фабриками и заводами. А между тем в стране все было для умножения производств. Кругом таились неисчерпаемые сокровища: горы, богатые рудами, дремучие леса, изобилующие драгоценным пушным зверем, многоводные рыбные озера и реки, неоглядные плодородные равнины. Но богатства эти из-за нерадивости бояр лежали втуне, равнины простирались незаселенными, плохо возделанными, городишки были редкие, деревянные, села разорены алчностью бояр. Уныние скребло душу Петра от этой неприглядной картины, еще горше ему стало, когда он столкнулся с положением горного дела. Нужны были пушки, ядра, фузеи, гвозди, и во всем этом была зависимость от иноземцев. Металлы, прежде всего железо, привозились из-за границы. Железо славилось свейское¹, провоз был труден, цены непомерные. Царю было очевидно, что в будущей войне со Швецией туго будет с железом. Хочешь не хочешь, а думай о своем металле. Россия — страна обширная, много в ней гор и рудных земель: и под Липецком, и под Тулой, и в Олонецком крае, и под Устюжной, и на востоке — Каменный Пояс, а в недрах их неисчерпаемые богатства. Ко всему этому русские люди были известны как рудознатцы, умеющие найти руды и плавить их. Многовековой опыт накопился в русском народе. В давние-предавние времена седой старины славяне с железными топорами, косами и сохами пробирались по лесам, занимали девственные земли, выжигая и выкорчевывая чащобы на участках под пашню, строили «починки» и деревни. Русские издавна выплавляли железо в сыродутных горнах с ручными мехами, получалось губчатое железо, и оно легко отделялось от посторонней примеси ручной проковкой железными молотами. Старинные умельцы строили и небольшие шахтные печи, которые получили название домниц. Одним из древнейших мест, где знали добычу и плавку железа, была Устюжна. Этот старинный русский город лежал при устье Ижины, впадающей в Мологу. С незапамятных времен жители Устюжны были кузнецами, плавиле железо из руды. А руду эту добывали на восток от города в урочище, которое звалось Железным По-

¹ *Свейское* — шведское.

лем, поэтому и сама Устюжна получила прозвище Железнопольской. Известно из летописей, что новгородцы издавна добывали железо в своей земле. По древним актам ведомо, что в очень давние времена в Печорском крае крестьяне сами делали медную посуду, а медь для этого выплавляли из местной руды. Эту посуду они доставляли в Архангельск для продажи иноземцам. Еще в первой половине XIII века князь Даниил Галицкий имел «кузнецов меди». Они добывали медь и отливали медные колокола. Великий князь Иван III вызвал из Венеции известного мастера Аристотеля Фиораванти, который и начал в Москве в 1479 году литье пушек. По изготовлению оружия древняя Русь шла уже в XVI веке впереди Запада. В старинных мастерских русские изготовляли орудие, заряжавшееся с казенной части, и много было умного по идее, совершенного по исполнению. В этом же веке русские литейщики начинают вытеснять иноземных мастеров. Всеми миру известны были искусные русские мастера: Андрей Чохов, Булгак Наугородов, Семен Дубинин и многие другие.

Все было в стране, чтобы развить горнозаводское дело. Царь Петр Алексеевич всерьез помышлял о горном деле. Он выписывал из-за границы знатоков, но все это было не то. Ему хотелось широко и по-хозяйски поставить горное дело. Не десятки и сотни пудов железа нужны были для затеянного им большого дела, а десятки и сотни тысяч. Притом рудознатные мастера из иноземцев хотя и знающие, но люди чужие и пришлые. Дело ж требовалось ставить по-иному: для разработки рудных богатств нужны были свои, сметливые, дерзкие и предприимчивые люди.

В 1696 году через Тулу в Воронеж проезжал царь Петр. Наслышавшись от Шафирова о тульских ружейных мастерах, он остановился на несколько дней в Туле. С собой Петр привез алебарду иноземного образца и пожелал заказать в Туле такие же алебарды.

Пригласили к царю тульского кузнеца Никиту Антупьева. Царь увидел самопальщика и пленился высоким ростом, силой и статностью богатыря.

— Глядите, — показал он окружающим боярам и купцам на кузнеца. — Вот молодец, годится в Преображенский полк!

Кузнец хмуро опустил голову.

— Ты что, оружейник, солдатчины испугался? — спросил царь.

— Никак нет, государь! Ремесло самопальное жаль оставить. Больно по сердцу мастерство, — ответил Никита.

— Коли так, кузнец, сделай триста алебард по сему образцу. Видать, солдатом тебе не быть, другая стезя выпала!

Кузнец внимательно осмотрел иноземную алебарду, поднял на царя жгучие глаза.

— Ну как? — спросил царь. — Сможешь смастерить такие?

— Наши русские алебарды получше, государь, будут!

Петр засиял, сгреб кузнеца за плечи. Силы в нем — горы воротить, ростом вровень с кузнецом, засмеялся весело ему в лицо:

— Ладно! Только смотри, как бы не вышла пустая хвальбишка. За похвальбу самолично отхожу тебя. От меня, кузнец, никуда не укроешься — со дна морского сыщу. Слышишь?

— Слышу, — поклонился кузнец. — Разреши идти и за дело браться?

Такая быстрота государю пришлась по душе.

4

Кузнец сдержал свое слово, работу исполнил вдвое скорее, чем назначил царь, и алебарды доставил в Воронеж.

Петр Алексеевич самолично осмотрел и проверил доставленные алебарды, остался весьма доволен их добротной отделкой, отпустил кузнецу Антуфьеву из государевой казны втрое против того, во что они обошлись. Сверх того пожаловал тульскому кузнецу важнецкий отрез сукна на платье и серебряный ковш да посулил на обратном пути в Москву захватить к нему в гости и испить из того ковша.

И царь сдержал свое слово. Проездом через Тулу он завернул в Кузнецкую слободу и среди бревенчатых строений отыскал кузницу Никиты.

...Двери кузницы были раскрыты настежь, косые лучи солнца падали на утопанную землю. В полутемной кузне пылали горны; кузнецы и молотобойцы, полуголые, в стоптанных лаптях, с засученными рукавами, проворно хлопотали у наковален. Шипели и охали меха, звенели наковальни, из-под молотов дождем сыпались искры. Царь с любопытством разглядывал горячую работу. Кузнец Никита, в кожаном фартуке, держал раскаленное железо, а сын — плечистый, круглолицый Акинфка — бил молотом. Никита ухом не повел, завидя царя в кузнице, докончил дело, сунул скованное в бадью с водой — в ней зашипело, взвился пар.

— Здорóво, — сказал Петр.

— Здорóво, ваше величество, — степенно поклонился Никита.

Царь был долговяз, большие темные глаза слегка навькате. От него пахло крепким табаком, водкой и едким потом. На нем был поношенный темно-зеленый с медными пуговицами преображенский мундир.

— Дай-кось, — потянулся Петр к наковальне. — Дай-кось, кузнец, испробую.

Никита повел жесткой бровью, сын Акинфка проворно кинулся к нему, от отца — к наковальне. Гость повернулся к кузнецу:

— Показывай образец!

Никита вынул из бадейки закаленный багинет¹.

— Вот, ваше величество.

Царь взгляделся в образец и схватился за молот:

— Держи!

Посыпались искры; Петр ковал крепко и будто ладно, а когда показал Никите скованное, кузнец поморщился, сплюнул:

— Негоже, государь. Подмастерка не дам за такую работу.

Царь сбросил мундир, засучил рукава, обрядился в кожаный передник и рявкнул:

— Давай еще!

Акинфка со страхом поглядывал на царя. Огромный, плечистый, усы взъерошились, лицо заблестело от пота, перемазано в саже; освещенный красным заревом горна, Петр щурил выпуклые глаза и приговаривал:

— А-га-га... Ладно! — И ударял молотом по раскаленному добела железу так, что искры сыпались огненным дождем да наковальня дрожала и гудела, готовая, казалось, рассыпаться под молотом.

Акинфка сиял от восторга:

— Вот так царь! Даром не ест хлеб. Получше другого кого бьет молотом.

До полудня знатный гость проработал в кузнице Антуфьева. Царю по душе пришлось, что подмастерья и работные люди не толпились, не любопытствовали зря. Работа и при нем кипела своим чередом. Строгий взгляд Никиты никому не давал передышки: люди работали умело и споро.

¹ Багинет — штык.

В полдень Петр тут же умылся над бадейкой, надел преображенский мундир:

— Ну, кузнец, веди к столу.

Подергивая судорожно плечом, царь вышел из кузни и пошел вдоль улицы. Шел он солдатским шагом, помахивая на ходу правой рукой; шаги его были так быстры и широки, что кузнецы еле поспевали за ним.

В доме Никиты Антуфьева было чисто, опрятно; обстановка горницы под стать хозяину: проста и сурова. Дубовый стол, накрытый льняной скатертью; в углу иконы, перед ними — огоньки лампад, вдоль стен — дубовые скамьи, на полу — домотканые половики. На столе — немудрая еда: щи с бараниной, пирог с говядиной. Кузнец подошел к горке, вытащил даренный царем серебряный ковш и налил виноградного вина.

За цветной занавеской зашептались женщины. Петр покосился на занавеску и приложился к ковшу. В ту же минуту он поморщился, фыркнул и отставил ковш. На его лбу собрались морщинки; он повел бровью:

— Ну и дрянь! Не к лицу русскому кузнецу держать такое вино!

— Государь! — испуганно сказал Никита. — Ни в жизнь я не брал в рот хмельного. В металлах толк разумею, а в хмельном — что курица! И припас французское только для такой радости!

По правой щеке царя прошла легкая судорога:

— Отнеси ты, кузнец, это добро назад, а мне подай-ка лучше нашего русского простяка!

Никита живо поднес русской водки, гость выпил, крякнул; остался доволен.

— Где хозяйка? — спросил Петр. — Куда женку упрятал? Зови к столу.

Охота не охота, а пришлось кузнецу звать женку к столу. Вошла молодайка, румяная, круглая, с густой бровью, статная. Царь весело поглядел на бабу и пожелал:

— Хочу, хозяйка, из твоих рук меду испить.

Баба зарумянилась, поклонилась.

Выкушал гость из рук жены Никиты ковш меду, опять крякнул, обнял хозяйку и сочно поцеловал. У вспыхнувшей стыдливым румянцем женщины от царского поцелуя закружилась голова, пол заходил под ногами. «Эк как! Царь, а покрепче кузнеца целует!»

Отобедав, Петр уселся в свой возок и повелел Никите вместе с ним ехать в воеводскую избу. Там он показал иноземное, хорошо сработанное ружье и спросил:

— Что, Демидыч, можешь ли ты такое сделать?

Никита взял в руки немецкое ружье, пытливо, с пристрастием осмотрел его; по губам скользнула улыбка.

— Ружьишко справное, ваше величество, — повел черными глазами Никита. — Однако наши тульские кузнецы не уступят немцам. И сделаю я тебе, государь, получше этого — с меньшей отдачей!

В голосе кузнеца звучала уверенность. Царь взглянул на туляка и улыбнулся:

— Руки у тебя, Демидыч, золотые. Смотри, не осрамись! Поджидаю тебя в Москву в гости с теми ружьями.

— Будет по-твоему, государь, — твердо сказал кузнец.

Оба засмеялись, довольные друг другом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Тульский кузнец Никита Антуфьев крепко помнил царский наказ. А тут еще в Тулу дошли слухи о предстоящей войне со шведами; на заводы наехали дьяки и подьячие Пушкарского приказа, торопили с литьем. От них-то дознался Никита, что царь достает солдатские ружья с великой нуждой, платя иноземцам за каждое по двенадцати, а то и по пятнадцати рублей.

Никита заторопился. Из последних сил выбивались ружейники, от натуги в грудях хрипело; родной сын хозяина, Акинфка, с лица спал от каторжной работы, однако не сдавал. Мать, жалея сына, отговаривала:

— А ты не дюжай. Не ровен час, сломишься. Полегче!

Акинфка только плечом повел:

— Ничо, сдюжаю. Шутка ли, ружья самому царю свезем. Небось приветит.

Скуластому большеглазому Акинфке сильно по душе пришелся царь. Нравилось молодому кузнецу, что Петр Алексеевич был прост, добрый работяга, на слова и на руку крепок. Таил про себя Акинфка большую мечту: ежели такому царю по душе

рассказать, что он, Акинфка, в мыслях держит, то, поди, разом по-иному повернется жизнь!

Молодой кузнец пошел в отца: крепкий, смекалистый. Тульские купчишки и знатные кузнецы, имевшие на выданье дочерей, невзначай забрасывали словечко Никите:

— Молодчага у тебя сынок, Никитушка. Такому бычку да на веревочке быть... Любая девка обрадуется...

Кузнец сурово сдвигал черные косматые брови; по его большому лбу рябью ходили легкие морщинки.

— Сам знаю. Рано женихаться ему! Работать надо, мастерству учиться! Во как!

В Туле в брусяных хоромах купца Громова, обнесенных дубовым тыном, двадцатую неделю проживал дьяк Пушкарского приказа Утенков. Наехал он на ружейные заводы торопить с заказами и поставками. Дабы не скучать, навез с собой дьяк челядь, мясистую женку и дочку — румяную да смешливую девку с глазами что чернослив. Ее-то на богомолье заметил Акинфка и сразу решил:

«Стащу у дьяка дочку!»

Боязно было говорить с батей, грозный больно. В горнице притихали все, когда входил батя. Одного только Акинфку и жаловал кузнец.

— Ну что сопишь, аль опять неполадка в кузне? — как-то наморщил лоб Никита.

Акинфка собрался с духом, поднял на батю серые глаза:

— Жениться хочу!

— Ишь ты! — улыбнулся Никита и запустил пятерню в смоляную бороду.

Сын потупил глаза в землю.

— Да-к, — крикнул кузнец. — Кого же приметил?

— Дьяка Утенкова дочку.

Кузнец хватился за бока:

— Ха-ха-ха... Мать, а мать, сын-то на дьякову дочь зарится. Слышь, что ли, мать? А-ха-ха...

Дородная женщина неторопливо вышла из-за пестрой занавески и обиженно поглядела на мужа:

— А чем наш Акинфка не пара дьяковой дочке?

Никита ухмыльнулся в бороду, сказал едко:

— Губа не дура! Ин к какому кусине тянется. Да-а... У дьяка вотчина, крепостные людишки, домишки да торговлишка на Москве, а дочка одна... Ловко!

Женщина осмелела, подняла серые глаза с черной бровью, и тут Никита в который раз заметил, до чего сынок схож с ней.

— Что же, что одна у дьяка дочка. Так и сынок у нас, Демидыч, не простофиля...

— Ой-ох-х, ну вас к богу, — отмахнулся Никита. — Не поднимайте сором на посадe. Поди, засмеют шабры. Я тебе, брат, — тут батька снова сердито нахмурился, — я тебе сватом не буду. Хочешь дьякову дочку — сватай сам...

Акинфка выпрямился, повел серыми глазами:

— Что ж? Сосватаю и сам.

— Ишь ты! — Тут батьке рассердиться бы, но упорство сына пришлось по душе, он встал со скамьи. — Храбер бобер! А глазами весь в тебя, matka.

Женка Демидова зарделась: «Ишь, разошелся батян».

Акинфка дел в долгий ящик не откладывал. Обрядился он в новину и пожаловал на купецкий двор. Дворовые холопы пристали с допросом: «Куда да зачем?»

Твердый характером Акинфка осадил холопов:

— Подите скажите дьяку: пожаловал к нему тульский кузнец Акинф Никитич, хочет о деле молвить...

Дьяк с вечера перехватил через край настоек, медов, объелся солений, блинов, уложил балычка с пол-осетра — изжога проклятая мучила, да гудело в башке, как из пушек кто палил. Все утро надрывался дьяк от непотребных площадных слов. Ругал купчишек, мастеров, подрядчиков.

Тут о кузнеце доложили. Дьяк сам вышел на крыльцо. Купец Громов — богатей, по-боярски хоромы разделал. Крыльцо расписное, узорчатое, с резьбой: петухи, кресты, кружковины — все радовало глаз.

На высоком крыльце, держась за пузатый резной столб, предстал дьяк Утенков; бороденка у него мочальная, морда лисья, хитрая. Стрельнул в Акинфку плутоватым глазом:

— Ты зачем, кузнечишка, пожаловал?

Акинфка шапки перед дьяком не сломил, сказал смело:

— По большому делу, дьяк, явился я. При холопьях как будто и не к месту.

Дьяк, как индюк, напыжился, налился краской: «Ишь ты, чертоплой, шапки не ломает, не гнется. Не по чину нос держит».

— Эй ты, худородье, выкладывай тут, за какой нуждой пожаловал? — закричал с крыльца дьяк. — Чать, не в сваты пришел?

Акинфка насупился, поднялся на крыльцо:

— А может, и свататься пришел, почему ты знаешь? Хошь бы и так? Я с царем Петром Ляксеичем на одной наковальне ковал.

Дьяк глаза вылупил, от злости в горле заперхало. Повел рыжеватой бровью и закричал тонко, по-бабьи:

— Ах ты, тульская твоя... пуповина, в сваты... Ах ты... Тьфу!

Сочно плюнул под ноги. Акинфка-кузнец не сдался, схватил дьяка за полу кафтана, дернул:

— Ты-то не плюй, може, еще сгожусь. Молви: отдашь дочку?

— Ух, — выдохнул дьяк. — Морок тебя возьми! Эй, холопы, гей!..

Со двора набежали людишки, схватили Акинфку. Он отбрыкивался, отбивался; не одному холопу покрушил зубы, посворотил скулы, но осилили его. Подталкивая кузнеца кулаками, холопы приволокли его на широкий купеческий двор, обнесенный дубовым остроколем. Не успел моргнуть глазами Акинфка, как ворота закрылись и загремели запоры.

Что это еще будет? Кузнец поглядел на островке тына и подумал: «Эх, перемахнуть бы через заплот».

В эту минуту в углу двора в яме шевельнулось бревно и показалась медвежья лапа.

— Ого! Вот оно что! — ахнул Акинфка. — На людей зверье спущать...

Он разом оглядел двор. Пусто. В окне купецких хором мелькнуло обеспокоенное девичье лицо. «Уж не она ли?» — подумал Акинфка и кинулся к заплоту; там стоял кол. Кузнец схватил его.

Медведь выбрался из ямы и пошел на Акинфку. Поднявшись на дыбы, зверь заревел, занес когтистые лапы, но Акинфка не звал и дубьем хватил зверя по голове. Кол разлетелся в щепы. Зверь расвирипел, сгреб Акинфку, и оба покатались по земле. Кузнец изловчился, выхватил из-за голенища нож и всадил под медвежью лапу...

Смертельно подколотый, истекающий кровью зверь еле уполз в яму. Акинфка разбежался и перемахнул через тын, оставив на остроколье полштанины.

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЕДОРОВ
КАМЕННЫЙ ПОЯС
ДЕМИДОВЫ
НАСЛЕДНИКИ

Ответственный редактор Валерия Андоскина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.07.2025.
Формат издания 60 × 88^{1/16}. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 53,9. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-38921-01-R